

УДК 94(47).05:27

DOI: 10.37482/2227-6564-V047

ПАВЛУШКОВ Александр Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России. Автор 157 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-5459>

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В работе предпринимается попытка проанализировать отношения между Русской православной церковью и Тайной канцелярией в период реформ Петра I. Хронологические рамки изучаемого периода ограничены 1718–1725 годами. Автор ставит следующую цель: на основе разных источников определить круг и характер указанных взаимоотношений. Стоит отметить, что исследований в этом направлении недостаточно. Содержание статьи сводится к изучению различных аспектов и форм взаимоотношений между карательным органом и духовным ведомством в целом. Точкой отсчета является дело царевича Алексея, которое обнажило недовольство духовенства петровскими реформами и положило начало усилению карательной политики, в т. ч. с использованием инструментов Церкви. По мнению автора, установившиеся связи между Церковью и Тайной канцелярией нельзя назвать спорадическими, поскольку существовало определенное единство взаимных интересов. Акцентируется внимание на постепенно усиливавшихся противоречиях в указанных отношениях, связанных с нарушением тайны исповеди, отсутствием нормативного регулирования официальных сношений, размытостью структуры учреждений Святейшего Синода, которые контактировали с Тайной канцелярией. Тем не менее на практике сложился определенный порядок согласования различных вопросов, которые обе стороны старались не нарушать. В статье анализируется дело царевича Алексея и роль первых обер-прокуроров Святейшего Синода в контексте развития отношений Церкви и Тайной канцелярии. Указаны причины не только взаимного интереса, но и последующего кризиса во взаимоотношениях, наступившего в 1725 году. Делается вывод, что отношения между Русской православной церковью и Тайной канцелярией протекали в русле политики формирования полицейского государства.

Ключевые слова: Тайная канцелярия, Русская православная церковь, Святейший Синод, реформы Петра I, карательные учреждения, полицейское государство, духовенство.

*Адрес: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2/а; e-mail: apavlushkov@yandex.ru

Для цитирования: Павлушков А.Р. Русская православная церковь и Тайная канцелярия в контексте петровских преобразований // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 5. С. 37–45. DOI: 10.37482/2227-6564-V047

Петровский период был всегда интересен исследователям по причине масштабов проводившихся радикальных реформ. По словам Е.В. Анисимова, петровские реформы – это ярчайший образец российского типа реформ, которые привели к усилению власти государства и деспотизма при ухудшении жизни самого общества [1, с. 5–8]. На данном этапе произошел слом государственных и общественных институтов, что существенно отразилось на взаимоотношениях церкви и государства. В этом контексте усиление внимания к характеру взаимоотношений церкви с самыми яркими институтами полицейского государства дает возможность понять глубину протекавших общественных процессов.

Список современных исследований, посвященных деятельности Тайной канцелярии, в целом достаточно объемный, но работ, в которых затрагивались бы вопросы взаимоотношений данного учреждения с церковью и духовенством, немного [2, 3]. Среди них заслуживает внимания статья С.М. Шамина, посвященная трагической судьбе воронежского священника Ивана Дугина, который несколько раз сталкивался с Тайной канцелярией. На основе архивных материалов автор в живой форме описывает жизненные перипетии священника, в расследовании дела которого принимали участие разные инстанции [4].

Более содержательной в этом отношении является дореволюционная историография. Изучением вопросов политического сыска занимались многие исследователи, которые невольно наталкивались на необходимость объяснения сложного, порой запутанного процесса ведения следствия с участием представителей духовенства [5–7].

В данной статье речь идет о взаимоотношениях Русской православной церкви (далее – Церковь) и Тайной канцелярии в петровский период – время, когда формировалось полицейское государство со всеми атрибутами контрольно-надзорных и карательных органов. Этот период имел относительно законченный характер, поскольку в 1726 году Тайная канцелярия была

временно упразднена. В 1729 году ликвидировали и Преображенский приказ, дела и полномочия которого были переданы Сенату. До прихода к власти Анны Иоанновны органы политического сыска находились в кризисе, что было обусловлено распадом петровской партии и общественной неприязнью к подобным учреждениям. Политические распри, начавшиеся сразу после смерти Петра I, отразились на положении «силовиков». В опалу попали бывший руководитель Тайной канцелярии граф П.А. Толстой и его заместитель А.И. Ушаков [8, с. 202].

При внешней несуразности предположения о возможном единстве Церкви и Тайной канцелярии объективно они нуждались друг в друге. Историческая ситуация складывалась таким образом, что именно при первом российском императоре кардинально менялась модель отношений государства и Церкви: «симфония» уступала место рационализму. Церковь превращалась в одно из государственных ведомств в лице Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синод). Государство брало под защиту Церковь как одно из собственных учреждений. Теоретически любые преступления против Церкви могли расцениваться как преступления против государственного строя, что относилось к компетенции Тайной канцелярии. Становилось ясно, что с появлением Тайной канцелярии и усилением ее роли Церковь стала входить в зону ее пристального внимания. Фактически это можно подтвердить тем, что среди тех, кто оказался в застенках Тайной канцелярии, были учителя «вредных» религиозных учений, с которыми боролась Церковь.

Точки соприкосновения Церкви с Тайной канцелярией обнаружились сразу после учреждения последней. Тайная канцелярия была создана в ходе розыска по делу царевича Алексея (1718 год). Изначально Церковь пыталась дистанцироваться от этого процесса, принимавшего все более политический характер. Несмотря на то, что речь шла о судьбе помазанника Божьего, что предполагало особое покровительство Церкви, ее руководство считало невозможным

непосредственно участвовать в данном процессе, поскольку такого рода расследования относились к компетенции гражданских судов и воле самого императора. В «Рассуждениях духовного чина о царевиче Алексее» указывалось, что монарх может вершить суд без оглядки на советчиков, а подданные не вправе ставить под сомнение решения монарха [9, с. 518–519]. Но такая позиция расходилась со сложившейся традицией, когда именно церковные иерархи выступали в качестве примирителей внутри династических конфликтов и старались сгладить политические риски. Причина нейтралитета Церкви объяснялась вполне прагматичным интересом – избежать серьезных ограничений прав Церкви в силу причастности отдельных представителей духовенства к делу царевича Алексея. В любом случае Церкви удалось сохранить статус-кво, а Тайная канцелярия не вмешивалась в дела Церкви.

Вместе с тем подчеркнем, что дело царевича Алексея вызвало небывалый общественный резонанс, спровоцировало распространение всевозможных слухов в различных слоях населения. В среде духовенства сложились собственные «партии», которые либо сочувствовали царевичу, либо поддерживали его. Во многом это объяснялось желанием престолонаследника вернуть старые московские патриархальные порядки, основанные на глубоком почитании веры. После признательных показаний царевича Петр I утвердился в мысли, что если бы не окружавшее сына монашество, то заговора не было бы вообще [10, с. 38–42]. В Тайной канцелярии проводились допросы священников Якова Игнатьева, Федора Пустынного, ростовского епископа Досифея – все они были казнены. Другие церковные оппозиционеры были разосланы по монастырям либо умерли в процессе кровавых допросов. Пагубное влияние духовенства, по мнению царя, выразилось в отчуждении сына от государственных дел. Переубедить императора было сложно. Лишь поддержка церковью проводимого расследования смогла смягчить отношение к ней императора. По делу царевича в застенках Тайной

канцелярии могло бы оказаться гораздо больше представителей духовенства.

Демонстративная позиция Церкви не гарантировала ей отсутствие дальнейших столкновений с Тайной канцелярией. Открытых конфликтов между ними до появления Синода практически не наблюдалось. Митрополит Рязанский Стефан Яворский, назначенный в 1700 году блюстителем патриаршего престола, проводил крайне осторожную политику. Нерешительность С. Яворского и отсутствие близких личных отношений с императором связывали его деятельность, что отражалось и на положении Церкви. За время управления он ни разу не выступил в защиту ее интересов [11].

С учреждением в 1721 году Синода, высшего административного органа Церкви, наметились и очаги конфликтов. К этому времени деятельность Тайной канцелярии получила размах, ее боялись. Причиной противоречий стала неурегулированность официальных отношений. Акты Церкви и государства обходили стороной вопрос о том, как должны были строиться отношения между духовным ведомством и Тайной канцелярией. В Духовном Регламенте возможность контактов ограничивалась единственным требованием сообщать в Тайную канцелярию о вскрытых на исповеди замыслах против монарха [12, с. 100]. В ситуации правового вакуума каждое учреждение предпочитало отстаивать свои права, используя близость к императору. Тайная канцелярия, в которой монарх нуждался острее, была в более выигрышном положении. Маховик репрессий, санкционированный лично императором, значительно повысил роль Тайной канцелярии. Она непосредственно подчинялась императору, судебные решения также утверждались первым лицом. Кроме того, Петр I, со слов В.И. Веретенникова, еженедельно посещал Тайную канцелярию для заслушивания докладов и личного участия в допросах [6, с. 109–110]. Нельзя отрицать и тот факт, что руководители «силовых ведомств», находясь в центре политических событий, манипулировали мнением императора для доказательства собственной полезности.

Сомнительные обвинения «по слову и делу» при умелой подаче материалов расследования лишь формировали атмосферу политического недоверия и все больше ставили Тайную канцелярию в исключительное положение.

В отличие от главного карательного органа Синод не был настолько близок к императору. Его создание проходило в больших муках, поскольку первоначально не было четкого представления, какие государственные задачи будет выполнять высшее церковное учреждение. Поэтому Синод, развивая отношения с Тайной канцелярией, в большей степени опирался на Правительствующий Сенат, которому периодически жаловался на притеснения со стороны Тайной канцелярии. Однако это помогало мало, поскольку Тайная канцелярия находилась в особом положении, игнорируя даже Сенат как высший орган надзора за администрацией и судом [13, с. 61].

Первые очаги конфликта между Синодом и карательными органами начались с розыска монаха Варлаама Левина, обвиненного в подстрекательстве к бунту и высказываниях против царя. На допросе с пристрастием Левин дал показания против Стефана Яворского, который в 1721 году по предложению Петра I стал президентом Синода. Преображенский приказ, который параллельно с Тайной канцелярией занимался расследованиями государственных преступлений, считал необходимым допросить главного церковного иерарха. Яворский дал показания в Сенате. Он отрицал все обвинения в свой адрес, что вскоре подтвердилось признанием Левина в лжесвидетельствовании. Ровно через три месяца после казни Левина, 22 ноября 1722 года, умер и С. Яворский. Видимо, сказалось нервное потрясение, которое ему пришлось пережить после унижительного допроса. Страх оказаться в застенках тайной полиции парализовал его, что повлияло и на управление синодальными делами. Становилось понятным, что перед Тайной канцелярией и Преображенским приказом беззащитен любой, даже самый титулованный церковный деятель. Дальнейшие архиерейские процессы,

санкционированные Ф. Прокоповичем в правление Анны Иоанновны, подтверждали беспомощность Церкви даже при коллегиальном управлении, если в центре внимания были политические интриги.

Вместе с тем судебно-следственная деятельность Синода предполагала контакты с Тайной канцелярией, к чему относились: ведение дел против учителей раскола, розыск раскольников, помощь в поиске духовных персон по предписаниям Тайной канцелярии, разрешение на проведение пыточного допроса путем снятия сана, исполнение наказания по определениям Тайной канцелярии. Решение большинства из этих вопросов замыкалось на канцелярии Синода, через которую велась официальная переписка и осуществлялась пересылка колодников [6, с. 116].

Материалы отдельных дел духовных лиц показывают крайнюю тщательность их расследования. Согласовывалось не только решение, но и дальнейший ход розыска. По делу выше-названного старца Левина А.И. Ушаков, докладывая своему шефу, П.А. Толстому, в 1721 году несколько раз, просил уточнить мнение императора по ряду вопросов, касающихся следствия и приговора: что делать и где казнить самого Левина, как быть с другими обвиняемыми, состояние здоровья которых после пыток оставляло желать лучшего? [6, с. 116–117].

Наибольшее раздражение Петра I вызывало то, что священники не выполняют предписание доносить властям озвученные на исповеди «дурные мысли» в адрес императора. Обычно факты нарушений вскрывались во время следствия, когда обвиняемые сообщали, что ранее они уже признавались местному священнику в собственных грехах, но тот не посчитал долгом сообщить об этом властям. По всей видимости, духовники либо не придавали значения последствиям нарушения указанного требования, надеясь, что данная информация не всплывет нигде, либо делали это сознательно в соответствии со сложившейся канонической традицией. Участвовавшие факты подобных нарушений вызывали у императора недоверие к Церкви. Он требовал от Тайной канцелярии

тщательно проводить допросы всех выявленных нарушителей. По действующему законодательству, сокрытие духовником сведений, данных на исповеди и имеющих отношение к государственным интересам или царской фамилии, считалось преступлением. Требование о неукоснительном выполнении установленных законов было продублировано императорским указом от 17 апреля 1722 года, по которому «нарушители прав государственных и противники власти» подлежали смертной казни [14, с. 188].

Церковь, напротив, была недовольна отступлением от правила таинства исповеди, т. к. по каноническим установлениям и сложившейся традиции духовникам запрещалось разглашать услышанное. В массовом сознании духовенства усиливалась обида не только на Тайную канцелярию, но и на императора. Государя сравнивали и с басурманином, и с антихристом [7, с. 285, 296]. В условиях нарастающего недовольства Синоду приходилось постоянно маневрировать между государством и интересами собственной корпорации. Согласие на издание ненавистного постановления было компромиссом и не отражало мнения всего духовенства. В постановлении Синода от 22 апреля 1722 года, обязавшем священников доносить, проводилась прямая линия с событиями 1718 года, расследованием которых занималась Тайная канцелярия. Поступок духовника царевича Алексея Якова Игнатьева, скрывшего мысли сына о пожелании смерти своему отцу, назывался злодейским. Приводились и другие примеры аналогичных «злодейств». Обратим внимание, что все случаи, которые упоминались в указе, расследовались Тайной канцелярией. Под страхом лишения жизни и чести священнослужители под присягой обязывались доносить о «законопреступных и вредительных действиях» в Тайную канцелярию и Преображенский приказ [15, с. 203–204]. Но за внешней официальной стороной указа скрывались более глубокие противоречия между государством и Церковью, которые проявлялись прежде всего на нижнем уровне церковного мира. Священники не всег-

да соблюдали установленное требование, воспринимали его скорее как вынужденную меру.

Положение духовного лица учитывалось при проведении следствия. Монахов и приходских священников Тайная канцелярия могла допросить самостоятельно после выдвинутых обвинений или в качестве свидетелей. Они вызывались по предписаниям и прибывали в сопровождении гражданских или духовных лиц. Пытка на предварительной стадии расследования в отношении духовенства не применялась. Однако если подозреваемый не являлся в Тайную канцелярию, это расценивалось как признание в совершении преступления. При поимке виновного пытку могли произвести сразу по личному распоряжению императора. Что касается архиереев, то предварительное рассмотрение дел происходило в Синоде, о чем затем докладывали императору. Окончательное решение оставалось именно за ним. Заметим, что личное вмешательство императора порождало порочную практику следствия, допускавшего злоупотребления.

Церковь не устраивал такой порядок. Оберегая корпоративные интересы, она желала, чтобы предварительное следствие происходило в Правительствующем Синоде. После того как случаи задержания Тайной канцелярией духовных лиц участились, Синод потребовал их освобождения, считая такую практику незаконной. Крайнее раздражение Синода вызывало то, что Тайная канцелярия даже не сообщала о духовных лицах, содержащихся под арестом. Подобные действия воспринимались как пренебрежение к духовному сословию. Очевидно, что Тайная канцелярия действовала при согласии императора. Недоверие его к Церкви передавалось и Тайной канцелярии, чиновники которой остро чувствовали настроение государя. Вместе с тем порочная практика ареста Тайной канцелярией представителей духовенства в результате доноса без согласования с церковными властями была типична для того времени, поскольку на основании именного указа от 21 февраля 1697 года суд заменялся розыском, который не имел строго установленных требований [14, с. 397].

Нервозность рассматриваемым отношениям придавала и структура Синода, учреждения которого до конца еще не сложились и дублировали друг друга. Чаще других взаимодействия с Тайной канцелярией осуществляли канцелярия Святейшего Синода (через нее велась официальная переписка, отсылка колодников), Монастырский приказ, располагавший собственной тюрьмой и занимавшийся расследованиями преступлений лиц духовного ведомства до признания их криминальными, и Розыскная раскольничьих дел канцелярия, которая вела розыск раскольников. Последняя при подозрении на антигосударственную деятельность могла направлять в Тайную канцелярию учителей и укрывателей раскола.

В начале 1720-х годов сложился определенный порядок во взаимоотношениях церковных учреждений с Тайной канцелярией, который старались соблюдать. Если речь шла о даче свидетельских показаний духовными лицами, то Синод уведомляли в письменной форме. Такое же правило действовало и в отношении духовенства, имевшего высокие чины и звания. При подозрении их в чем-то с Синодом согласовался вопрос о даче показаний. Например, когда в 1722 году поступил донос на протопопа Исидора, служившего в Кронштадтском Андреевском соборе и имевшего при себе «некоторое письмо» от полкового попа Василия, Тайная канцелярия обратилась в Синод для обеспечения явки Исидора на допрос. Обращение Тайной канцелярии было исполнено в течение нескольких часов, причем подозреваемому давалось указание «быть послушным» и отвечать на все поставленные вопросы [16, с. 217]. При прямых обвинениях подозреваемого могли сразу сопроводить в Тайную канцелярию.

Достаточно важным является вопрос о том, какую роль во взаимоотношениях Церкви и Тайной канцелярии играл обер-прокурор. Введенная в 1722 году обер-прокуратура, с одной стороны, представляла собой связующее звено между государством и духовным ведомством, обеспечивая исполнение всех царских и сенатских указов, а с другой – выполняла над-

зорную функцию за деятельностью не только духовного правительства, но и духовенства в целом. Обер-прокурор был обязан сообщать императору и Сенату в течение недели обо всех спорных вопросах [15, с. 357]. Однако влияние первых обер-прокуроров на Синод было незначительным. Члены Синода воспринимали назначенного чиновника с недоверием: не как радетеля церковных интересов, а как надсмотрщика. Превосходство высшего духовенства над ним сохранялось длительное время, поэтому на взаимоотношения с Тайной канцелярией он влиял мало [6, с. 145]. Более того, излишняя активность обер-прокурора в этом направлении могла привести к его дискредитации, поскольку многие члены духовного правительства не скрывали своего негативного отношения к Тайной канцелярии.

В силу возложенных на него обязанностей обер-прокурор постоянно вступал в сношения с карательными учреждениями. Во-первых, он руководил канцелярией Синода, осуществлявшей взаимодействие со всеми государственными органами, во-вторых, в его непосредственном управлении находилась «колодничья изба», в которой содержались арестанты, присылаемые из Тайной канцелярии [17]. Известно несколько случаев, когда обер-прокурор И.В. Болтин допрашивал колодников, сообщавших «слово и дело» [16, с. 261, 264–266]. При этом даже если предварительное следствие показывало ложность сообщений, доносчика предпочитали отсылать в Тайную канцелярию с сопроводительным письмом [18, с. 77–120].

Отметим, что полностью рассматривать отношения Тайной канцелярии и Синода с точки зрения противостояния было бы неправильно. Немало примеров, когда Тайная канцелярия шла на компромисс, соглашаясь, например, с решениями Синода о ложности высказываний «слова и дела». Это объяснялось вполне прагматичным подходом: Тайная канцелярия была завалена огромным количеством ложных доносов и вынуждена была работать вхолостую. В 1723 году Тайная канцелярия сделала предписание Синоду держать под арестом в монастыре

крестьянина Ефрема Байкова, который ложно обвинил архимандрита Пахомия во взяточничестве и убийстве двух крестьян [16, с. 270].

В 1725 году отношения между Церковью и Тайной канцелярией приходят в упадок. Это объяснялось болезнью Петра I, постепенно удалявшегося от государственных дел и фактически уже не способного контролировать деятельность созданных учреждений. Кроме того, у императора были планы серьезной реорганизации Тайной канцелярии, что делало ее положение неопределенным и снижало былую активность. Напротив, Русская православная церковь в этот период источала энергию по укреплению собственного положения. Синод потребовал от Тайной канцелярии начать расследование против католических монахов, вынашивавших, по его мнению, планы расширения прав протестантов. Получив отказ, Синод попытался опереться на Екатерину I, которая потребовала от Тайной канцелярии более внимательного отношения к делу. Однако даже

после ареста нескольких монахов следствие не сдвинулось с мертвой точки. Тайная канцелярия и Синод неоднократно пересылали друг другу открытое дело, которое вскоре успешно похоронили [6, с. 229].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Русская православная церковь была вынуждена приспосабливаться к режиму полицейского государства. Сохраняя автономность, она вопреки собственной воле была «вмонтирована» в государственный карательный механизм. Отношения ее с Тайной канцелярией развивались крайне сложно. Церковь не воспринимала ее как защитницу православного мира, хотя в некоторых случаях и прибегала к ее помощи, особенно в борьбе с ересью и расколом, а также иностранными миссионерами, которые параллельно занимались шпионажем [19]. Отношения Церкви и Тайной канцелярии, разумеется, нельзя назвать близкими, но они были необходимыми и в целом развивались в русле общих государственных реформ.

Список литературы

1. *Анисимов Е.В.* Петр Великий: личность и реформы. М.: Питер, 2009. 448 с.
2. *Шепарнева А.И.* Роль Канцелярии тайных розыскных дел в истории Русской православной церкви (на примере «архиерейских процессов» периода царствования императрицы Анны Иоанновны) // Экон. и гуманитар. науки. 2015. № 9(284). С. 15–20.
3. *Ермакова А.А.* «Трагедия в семье и у трона»: петербургский розыск по делу царевича Алексея Петровича // Вестн. ГСГУ. 2018. № 1(29). С. 46–64.
4. *Шамин С.М.* «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестн. церков. ист. 2015. № 3-4. С. 97–147.
5. *Барсов Т.В.* Святейший Синод в его прошлом. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1896. 446 с.
6. *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков: Печ. дело, 1910. 306 с.
7. *Семевский М.И.* Слово и дело! 1700–1725. Перепеч. с изд. 1885 г. с испр. СПб.: Рус. симфония: Б-ка акад. наук, 2006. 318 с.
8. *Черникова Т.В.* Документы канцелярии Тайных розыскных дел времен Анны Иоанновны // Люди и тексты. Ист. альм. 2018. № 11. С. 198–226.
9. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб.: Тип. II-го отд-ния Собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1859. 660 с.
10. *Русский биографический словарь.* Т. II. Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1900. 796 с.
11. *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917 гг. Гл. II, пар. 2/в. URL: https://pravbiblioteka.ru/reader/?bid=72715#ТОС_id1587448 (дата обращения: 28.04.2020).
12. *Духовный регламент всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского.* М.: Синод. тип., 1904. 202 с.

13. Карпенко С.В. Михаил Хрущов, Степан Шешковский и «преображение» Тайной канцелярии в Тайную экспедицию // Новый ист. вестн. 2010. № 24. С. 58–109.

14. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.

15. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 2. 1722–1872. СПб.: Синод. тип., 1872. 685 с. № 557, 680.

16. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 3 (1723 г.). СПб.: Синод. тип., 1878. [4] с., 668, ССVI стб., 86, [2], IV с. № 193, 264, 266, 273.

17. Павлушков А.Р. Колодники Святейшего Синода: правовой статус и государственное юридическое оформление // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4(20). С. 81–85.

18. Павлушков А.Р. Карательно-исправительная система Русской православной церкви в имперский период: моногр. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. 251 с.

19. Рос. гос. ист. арх. Ф. 796. Оп. 205. Д. 22. Л. 2–26.

References

1. Anisimov E.V. *Petr Velikiy: lichnost' i reformy* [Peter the Great: Personality and Reforms]. Moscow, 2009. 448 p.
2. Sheparneva A.I. Rol' Kantselyarii taynykh rozysknykh del v istorii Russkoy pravoslavnoy tserkvi (na primere "arkhiereyskikh protsessov" perioda tsarstvovaniya imperatritsy Anny Ioannovny) [Role of the Office of Secret Intelligence Affairs in the History of the Russian Orthodox Church (for Example, "Hierarchical Processes" Period of the Reign of Empress Anna Ioannovna)]. *Ekonomicheskije i gumanitarnye nauki*, 2015, no. 9, pp. 15–20.
3. Ermakova A.A. "Tragediya v sem'e i u trona": peterburgskiy rozysk po delu tsarevicha Alekseya Petrovicha [The Tragedy of the Family and the Crown: The Petersburg Investigation Concerning Alexei Petrovich, Crown Prince of Russian Empire]. *Vestnik GSGU*, 2018, no. 1, pp. 46–64.
4. Shamin S.M. "Donosheniya" voronezhskogo svyashchennika Savvy Ivanovicha Dugina v dokumentakh Taynoy kantselyarii [Reports of Savva Ivanovich Dugin, Voronezh Priest, in the Documents of Secret Office]. *Vestnik tserkovnoy istorii*, 2015, no. 3-4, pp. 97–147.
5. Barsov T.V. *Svyateyskiy Sinod v ego proshlom* [The Most Holy Synod in Its Past]. St. Petersburg, 1896. 446 p.
6. Veretennikov V.I. *Istoriya Taynoy kantselyarii Petrovskogo vremeni* [The History of the Secret Chancellery Under Peter the Great]. Kharkov, 1910. 306 p.
7. Semevskiy M.I. *Slovo i delo! 1700–1725* [Word and Deed! 1700–1725]. St. Petersburg, 2006. 318 p.
8. Chernikova T.V. Dokumenty kantselyarii Taynykh rozysknykh del vremen Anny Ioannovny [Documents of the Secret Investigative Office During the Reign of Anna Ioannovna]. *Lyudi i teksty. Istoricheskiy al'manakh*, 2018, no. 11, pp. 198–226.
9. Ustryalov N.G. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. 6. Tsarevich Aleksey Petrovich* [The History of the Reign of Peter the Great. Vol. 6. Tsarevich Alexei Petrovich]. St. Petersburg, 1859. 660 p.
10. *Russkiy biograficheskiy slovar'. T. II. Aleksinskiy – Bestuzhev-Ryumin* [Russian Dictionary of Biographies. Vol. 2. Aleksinsky – Bestuzhev-Ryumin]. St. Petersburg, 1900. 796 p.
11. Smolich I.K. *Istoriya Russkoy Tserkvi. 1700–1917 gg.* [The History of the Russian Church. 1700–1917]. Ch. 2, par. 2/v. Available at: https://pravbiblioteka.ru/reader/?bid=72715#TOC_id1587448 (accessed: 28 April 2020).
12. *Dukhovnyy reglament vsepresvetleyshogo, derzhavneyshogo gosudarya Petra Pervogo, imperatora i samoderzhtsa vserossiyskogo* [Spiritual Regulations of the Most Serene Highness, Most Powerful Sovereign Peter the Great, Emperor and Autocrat of All Russia]. Moscow, 1904. 202 p.
13. Karpenko S.V. Mikhail Khrushchov, Stepan Sheshkovskiy i "preobrazhen'e" Taynoy kantselyarii v Taynyuyu ekspeditsiyu [Mikhail Khrushchov, Stepan Sheshkovsky and the "Transformation" of the Secret Chancellery into the Secret Expedition]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2010, no. 24, pp. 58–109.
14. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. Vol. 4. Legislation During the Development of Absolutism]. Moscow, 1986. 512 p.
15. *Polnoe sobranie postanovleniy i rasporyazheniy po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiyskoy imperii. T. 2. 1722–1872* [Complete Collection of Resolutions and Directions for the Department of the Orthodox Confession of the Russian Empire. Vol. 2. 1722–1872]. St. Petersburg, 1872. 685 p., no. 557, 680.

16. *Opisanie dokumentov i del, khranyashchikhsya v arkhive Svyateyshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda. T. 3 (1723 g.)* [Description of Documents and Folders Kept in the Archives of the Most Holy Governing Synod. Vol. 3 (1723)]. St. Petersburg, 1878. 4 p., 668, col. CCVI, 86, 2, IV p., no. 193, 264, 266, 273.

17. Pavlushkov A.R. Kolodniki Svyateyshego Sinoda: pravovoy status i gosudarstvennoe yuridicheskoe oformlenie [Kolodniki (Arrested Persons) of the Apostolic Synod: The Legal Status and Legal Implementation]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 2012, no. 4, pp. 81–85.

18. Pavlushkov A.R. *Karatel'no-ispravitel'naya sistema Russkoy pravoslavnoy tserkvi v imperskiy period* [The Penal and Correctional System of the Russian Orthodox Church During the Imperial Period]. Vologda, 2014. 251 p.

19. *Russian State Historical Archives*. Coll. 796. Inv. 205. Fol. 22. Ff. 2–26 (in Russ.).

DOI: 10.37482/2227-6564-V047

Aleksandr R. Pavlushkov

Vologda Law and Economics Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (VILE of the FPS of Russia);
ul. Shchetinina 2/a, Vologda, 160002, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-5459> e-mail: apavlushkov@yandex.ru

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE SECRET CHANCELLERY IN THE CONTEXT OF REFORMS OF PETER THE GREAT

Based on various sources, this article attempts to determine the scope and nature of the relationship between the Russian Orthodox Church and the Secret Chancellery during the reforms of Peter I. The chronological framework of the period under study is limited to 1718–1725. It should be noted that the number of works on this topic is rather small. The article dwells on the various aspects and forms of the relationship between the penal body and the Church as a whole. The starting point is the case of Tsarevich Alexei, which exposed the dissatisfaction of the clergy with the reforms of Peter I and initiated the strengthening of punitive policies, involving the tools of the Church. According to the author, the established relationship between the Church and the Secret Chancellery cannot be called sporadic, since there had been a certain unity of mutual interests between the parties. It is emphasized that contradictions had been accumulating between them, related to the violation of the secrecy of confession, lack of legal regulation of official relations, and structural vagueness of the institutions of the Most Holy Synod that had contacts with the Secret Chancellery. Nevertheless, in practice there had been developed a certain procedure for coordinating various issues, which both sides refrained from violating. Further, the author analyses the case of Tsarevich Alexei and the role of the first chief procurators of the Most Holy Synod in the context of the development of the relationship between the Church and the Secret Chancellery. Further, the article indicates the reasons for not only mutual interest, but also the subsequent crisis in their relationship that occurred in 1725. The author concludes that the relationship between the Russian Orthodox Church and the Secret Chancellery was in line with the policy of forming a police state.

Keywords: Secret Chancellery, Russian Orthodox Church, Most Holy Synod, reforms of Peter I, penal institutions, police state, clergy.

Поступила: 01.05.2020

Принята: 17.10.2020

Received: 1 May 2020

Accepted: 17 October 2020

For citation: Pavlushkov A.R. The Russian Orthodox Church and the Secret Chancellery in the Context of Reforms of Peter the Great. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 5, pp. 37–45. DOI: 10.37482/2227-6564-V047